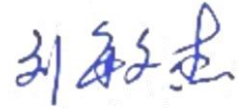

На правах рукописи

Лю Миньцзе

Фольклорная образность в малой прозе И. А. Бунина

5.9.1. Русская литература и литературы народов России

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Архангельск – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна

Официальные оппоненты: *Бердникова Ольга Анатольевна*,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», кафедра русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук, профессор;

Шестакова Елена Юрьевна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», кафедра литературы и русского языка, доцент

Ведущая организация: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина»

Защита состоится «18» сентября 2025 года в 10 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 24.2.394.03, созданного на базе ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», по адресу: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, ауд. 1220.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова www.narfu.ru.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2025 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Т.В. Швецова

Общая характеристика работы

Русская литература XX века, традиционно не относимая учеными к литературе классической, к настоящему времени все более обретает таковой статус. Имена русских писателей начала XX века неизменно привлекают к себе внимание ученых, ставят перед ними новые исследовательские задачи. Творчество талантливых русских писателей с каждой эпохой открывает неожиданные грани. Произведения классиков русской литературы обретают новые интерпретации. Уже исследованные в творчестве того или иного писателя проблемы формируют иные ракурсы, неосмысленные ранее повороты, предлагают новые прочтения. В этом смысле творчество Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953) не только не составляет исключения, но и, наоборот, демонстрирует рост исследовательского интереса, причем не только в России, но и за рубежом, в том числе в Китае.

Степень разработанности проблемы. Специалистами по творчеству Ивана Бунина создан огромный пласт исследовательской литературы, опубликованы многочисленные монографии, защищены докторские и кандидатские диссертации. Серьезные научные исследования по творчеству Бунина были подготовлены уже во второй половине XX века. Серьезный вклад в буниноведение внесли работы А. К. Бабореко, Т. М. Бонами, В. А. Гейдеко, О. Н. Михайлова, И. П. Карпова, Л. В. Крутиковой, Л. А. Смирновой, Р. С. Спивак, О. В. Сливицкой, Л. А. Колобаевой и др. Среди работ последних десятилетий следует назвать труды О. А. Бердниковой, Т. М. Двинятиной, О. Г. Егоровой, К. И. Зайцева, З. С. Закружной, Е. В. Капинос, О. И. Капчинского, О. А. Коростелева, Т. В. Красновой, С. Н. Морозова, Н. А. Николиной, Л. П. Пожигановой, Е. Р. Пономарева, Н. В. Пращерук и мн. др. Среди монографических работ по творчеству Бунина самых последних лет – монографии петербургских ученых Е. Р. Пономарева («Преодолевший модернизм: творчество И. А. Бунина эмигрантского периода». М.: Литфакт, 2019) и О. В. Богдановой («"Темные аллеи" и другие рассказы И. А. Бунина». СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2021).

Между тем, несмотря на видимое обилие научной литературы, по словам исследователей, творчество Бунина «лишь начинает изучаться по-настоящему»¹. «Фундаментальная источниковедческая и текстологическая база для дальнейшей работы по подготовке научного Полного собрания сочинений и писем И. А. Бунина»² только формируется.

Еще недавно исследователи сетовали, что трудность в научном осмыслении творчества Бунина связана с тем, что не существует аналитически прокомментированные собрания сочинений писателя. Сегодня (начиная с 2017 г.)

¹ Пономарев Е. Р. «Письмо с природы»: автобиографический материал в ранней прозе И. А. Бунина // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 3. С. 150.

² Морозов С. Н. Ранняя проза И. А. Бунина: источниковедение, текстология, атрибуция, датировка // *Известия РАН. Сер. литературы и языка*. 2022. Т. 81. № 4. С. 44.

в рамках научного гранта РФ «Академический Бунин: Источниковедение, текстология, методология» коллектив ИМЛИ им. А. М. Горького успешно работает над подготовкой полного собрания сочинений Бунина. Академическое собрание (по планам института), детально прокомментированное и документированное, начнет выходить из печати в самые ближайшие годы¹. Уже сейчас ИМЛИ предлагает серьезные исследования в области современного буниноведения, проводя научные конференции и «круглые столы» (2017–2024), публикуя серии научных статей, коллективные монографии в рамках проекта «Академический Бунин» (вышло несколько выпусков)². Творческое наследие классика русской литературы в готовящемся собрании будет представлено во всей полноте и идентичности авторских текстов³.

Среди центральных проблем, связанных с научным изучением творчества Ив. Бунина (наряду с проблемами социально-биографического, архивно-документального, текстологического плана), можно назвать и такие, как онтология творчества, авторское мировоззрение, философия мироосмысления, соотношение образов автора и лирического субъекта, автобиографизм его-героя, проблемы стиля и поэтики прозы и поэзии, жанровые диффузии и др.⁴; и этот перечислительный ряд может быть значительно расширен. В настоящем диссертационном исследовании угол зрения локализован: аспектом изучения избран фольклор в прозе Ив. Бунина, точнее – роль и функциональные особенности *фольклорной образности в рассказах И. А. Бунина*.

Фольклор, фольклорные мотивы и фольклорные образы в художественных текстах Бунина уже привлекали внимание исследователей. В 1970-е гг. одной из

¹ См. об этом подробнее: Морозов С. Н. Проблема датировки прозы И. А. Бунина // Литературный факт. 2017. № 4. С. 317–325; Закружная З. С. Академический Бунин. Текстологические проблемы подготовки научного собрания сочинений // Studia Litterarum. 2017. № 4. С. 394–404; Марченко Т. В. На пути к академическому Бунину // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 1. С. 11–28; Пономарев Е. Р. Посмертные произведения Ивана Бунина: ошибки публикаторов и восстановленный текст // Новое литературное обозрение. 2022. № 3 (175). С. 249–254; и др.

² Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. 896 с.; И. А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 1036 с.; И. А. Бунин. Новые материалы и исследования / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов // Лит. наследство. М., 2019. Т. 110. Кн. 1; М., 2022. Т. 110. Кн. 2; и др.

³ См.: Двинятина Т. М., Морозов С. Н. Проза И. А. Бунина. Выбор основного текста (к постановке вопроса) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 68–79; Двинятина Т. М., Морозов С. Н. Проза И. А. Бунина 1917–1920 гг. К вопросу об основном тексте // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 220–227; и др.

⁴ См. об этом: Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир...»: творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции. Воронеж: ВГУ, 2009. 272 с.; Есаулов И. А. Amata nobis quantum amabitur nulla // Есаулов И. А. О любви. Радикальные интерпретации. Магадан: Новое время, 2020. С. 80–95; Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Петрозаводск, 2001. Вып. 3. С. 5–20; Пономарев Е. Р. От «Жизни Арсеньева» к «Темным аллеям» // Русская литература. 2017. № 4. С. 228–238; и др.

базовых стала публикация крупного буниноведа А. К. Бабореко «Фольклорные записи»¹, осуществленная в «Литературном наследстве» (1973. Т. 84, кн. 1), куда вошли фольклорные записи самого Бунина и выписки, сделанные им из собраний П. В. Киреевского, Е. В. Барсова, П. Н. Рыбникова и др. Тогда же к проблемам фольклоризма в творчестве Бунина обратилась Э. В. Померанцева, фольклорист и этнограф, сотрудник Института этнографии АН СССР. В статье «Фольклор в прозе Бунина» (1973) Э. В. Померанцева анализировала бунинские рассказы и повести, включающие в себя фольклорные элементы разного рода, опираясь на тексты «Божьего древа», «Косцов», «Антоновских яблок», «Деревни», «Суходола» и др.

М. С. Штерн, крупный специалист по творчеству Бунина, обращалась к вопросам фольклорных истоков на материале поэтических текстов художника. В работе «Фольклорные мотивы и обрядовая символика в лирике И. Бунина» (1997), опираясь на небольшие лирические тексты «Петров день» (1906), «Старик у хаты веял, подкидывая лопату...» (1903), «Канун Купалы» (1903), М. С. Штерн анализирует языческие мифологические образы, появляющиеся в лирических миниатюрах Бунина, находит их праистoki (народный заговор «Богородица, собирающая травы»), демонстрирует особенности мирозерцания поэта, которые позволяют исследователю установить внутреннюю связь между разными лирическими текстами. Локусы проявления фольклоризма в прозаических текстах рассмотрены в работе М. С. Штерн «В поисках утраченной гармонии. Проза И. А. Бунина 1930–1940-х годов» (1997).

Вопросам фольклорной традиции в творчестве И. А. Бунина посвящен ряд научных статей современных исследователей. Так, О. А. Мещерякова избирает для анализа образ-символ грозы, характерный фольклору и русской классической литературе, и анализирует его в смысловом пространстве «малых» форм прозаика². Сходный ракурс затрагивает исследователь И. А. Попова, обращаясь к фольклорному образу огня, а в другой своей работе сопоставляя образно-фольклорную символику этого ряда в прозе Бунина и М. Горького³.

Апелляция к образам природы, в основе своей фольклорным или опосредованным устным народным поэтическим творчеством, рассматривается в статьях (впоследствии и в диссертации) О. В. Рудневой. Исследователь в центр наблюдений ставит бунинский пейзаж, справедливо связывая природную образность художника с его детскими и юношескими впечатлениями⁴. Смежную

¹ Фольклорные записи / публ. А. К. Бабореко, предисл. и примеч. Э. В. Померанцевой // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. М., 1973. 419 с.

² См. об этом: Мещерякова О. А. Фольклорная традиция описания грозы в семантическом пространстве авторского текста И. А. Бунина // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11. Вып. 4. С. 464–470.

³ Попова И. А. Стихия огня в колористике прозы И. А. Бунина // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2010. № 1. С. 49–55; Попова И. А. Олицетворение стихии огня в синтагматическом аспекте: на материале прозы М. Горького и И. А. Бунина // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2009. № 3. Сер. Филология. С. 129–141.

⁴ Руднева О. В. Концептуализация пейзажа в малой прозе И. А. Бунина // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2007. № 2. С. 257–266; Руднева О. В. Концептуализация пейзажа в малой прозе

проблематику затрагивает в своих работах А. Г. Разумовская, которая апеллирует к образу осени в лирике Бунина и сопоставляет его с образами природы и символикой осени у В. Набокова¹. На материале бунинского рассказа «Лапти» Л. И. Стрелец рассматривает фольклорную образность текста и с неизбежностью приходит к утверждению фольклорных оснований писательского мировидения и, как следствие, его образно-поэтической символики². Природа фольклоризма и ее связь с категорией памяти рассматриваются в работах О. Н. Фенчук и Л. В. Чижонковой³. Исследователи различными путями приходят к сходным выводам, суть которых фокусируется в суждении, что фольклорные (природные) начала питают память героев прозы Бунина, в том числе память родовую, национальную.

Среди исследований последнего времени, прямо связанных с фольклорными мотивами в творчестве И. А. Бунина, можно назвать кандидатскую диссертацию и последующую монографию китайской исследовательницы Лю Цзыюань «Художественный мир рассказов И. А. Бунина 1930–1950-х годов» (2022).

Интерес представляет статья С. Н. Морозова и Ю. Г. Морозовой «Рассказ И. А. Бунина “Баллада”: композиционно-образные и жанровые особенности». Исследователи касаются различных аспектов «Баллады», в т.ч. истории ее создания, символических образов и мотивов (прежде всего образа волка-«божьего зверя»), реконструкции места изображаемых событий, песенных и библейских претекстов. По словам ученых, «маленький прозаический шедевр Бунина <...> сохраняет свою связь с генетической памятью жанра баллады», но одновременно «приобретает черты святочного рассказа»⁴.

Таким образом, можно заключить, что творчество Бунина в целом достаточно хорошо осмыслено российским и зарубежным литературоведением. Вопросы фольклоризма в творчестве прозаика не обойдены вниманием. Однако фольклорная тематика, проблематика, поэтика, в т.ч. образность, символика, интонационность (и др.) в прозе Бунина все еще вызывают множество вопросов. Одним из важнейших аспектов является не локальное рассмотрение элементов поэтики фольклора в творчестве Бунина, но исследование общих закономерностей обращения писателя к русскому (или иноязычному) фольклору и осмысление через фольклор всей системы бунинского текстопорождения. Другими словами,

И. А. Бунина: лингвостилистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сургут, 2007. 26 с.

¹ Разумовская А. Г. «Листья падают в саду...»: осень как объект поэтических размышлений И. А. Бунина и В. Набокова // Русская словесность. 2009. № 6. С. 23–28.

² Стрелец Л. И. Когда «душа желает...»: рассказ И. Бунина «Лапти» // Литература в школе. 2010. № 7. С. 39–40.

³ Фенчук О. Н. «Идут года, текут века...» (память рода в произведениях И. А. Бунина) // Подъём. 2013. № 2. С. 191–197; Чижонкова Л. В. Старая и новая Россия в рассказе И. А. Бунина «Несрочная весна» // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 15. С. 48–50.

⁴ Морозов С. Н., Морозова Ю. Г. Рассказ И. А. Бунина «Баллада»: композиционно-образные и жанровые особенности // Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология). М., 2019. С. 60–61.

перед современной филологией встает задача не локального вычленения элементов фольклора в рассказах Бунина (мотивы, образы, портретные характеристики героев, среда бытования, детали костюма, речь и др.), но включение фольклора в систему мировидения писателя, стремление посредством фольклора увидеть всю широту авторского отношения к действительности, рассмотрение фольклора не только как элемента текста, но и как органическую и неотъемлемую часть художественного мировидения писателя. В этом смысле важно через фольклорные образы, мотивы, символы (и др.) произвести цельный и комплексный анализ бунинских текстов и на этом пути предложить их новую интерпретацию. Именно в этом состоит **актуальность** проводимого диссертационного исследования – не только приумножить локальные бунинские фольклорные мотивы и образы, но через их посредство апеллировать к *целостному анализу* художественного текста и на этом основании выявить глубинные особенности бунинского миропонимания и бунинской поэтики, в конечном счете – идейной содержательности рассказов, наметить новые ракурсы их интерпретации.

Подобный *комплексный подход* определяет **новизну** диссертационного исследования. Многосторонне исследованный специалистами (мета)текст Бунина дополняется и усиливается новизной современной научной аналитики, характером предлагаемых новых интерпретаций, кажется, давно знакомых специалистам «хрестоматийных» рассказов писателя-классика. Избранный подход к рассмотрению фольклора в прозе Ив. Бунина позволяет выделить иные проблемно-тематические и идейно-эстетические ракурсы, эксплицировать новые как формальные, так и содержательные области художественного мира писателя.

Материалом исследования послужили «короткие» рассказы Ив. Бунина («Птицы небесные», «Косцы», «Несрочная весна», «Руся», «Ворон»), написанные на родине и в эмиграции, а также художественные переводы провансальских сказок и легенд фольклориста-собиравателя Ф. Мистралья («Провансальские пересказы»).

Объектом диссертационного исследования избрана фольклорная образность, элементы устного народного поэтического творчества, широко и многообразно представленные в «малых» прозаических жанрах Ив. Бунина.

Предметом диссертационного исследования стали роль и художественно-эстетические функции фольклорной образности в «малой» прозе Ив. Бунина, пути и способы воплощения фольклорных мотивов, образов, символов в оригинальных и переводных текстах писателя, их влияние на формирование идейных составляющих рассказов писателя.

Цель диссертации – осуществить комплексный анализ избранных текстов Ив. Бунина, пронизанных образностью и символикой отечественного и инонационального фольклора, выявить особые грани бунинской поэтики и предложить новые ракурсы интерпретации хрестоматийных рассказов классика начала XX века.

Реализация выдвинутой в диссертационном исследовании цели предполагает решение непосредственных конкретных **задач**:

– аналитически осмыслить научно-критическую литературу по рассказовому творчеству Ив. Бунина и систематизировать существующие представления о месте и роли фольклора в «малой» прозе писателя;

– рассмотреть и охарактеризовать своеобразие форм и приемов обращения Бунина к фольклору, найти этико-эстетические и философско-онтологические пути и способы отражения фольклора в тексте рассказов писателя;

– предложить комплексный анализ пронизанных фольклором рассказов Бунина, учитывая многовекторную систему их поэтологических ракурсов, не сужая фольклорное влияние до единичных вкраплений (быт, предметный мир, портрет, речь и др.), но выводя анализ на широкий идейный уровень;

– рассмотреть переводные тексты Бунина эмиграционного периода и выявить разницу и/или сходство в использовании русского и галльского (провансальского) фольклора;

– на примере «малых» жанровых форм продемонстрировать глубину и емкость фольклорной основы бунинских рассказов, акцентировать идейно-тематическое родство и зависимость художественной прозы Бунина от образного мира и традиций национального фольклора.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что результаты проделанного исследования вносят дополнительный вклад в изучение творческого наследия Ив. Бунина, развивают основные научные положения о характере использования фольклора в художественной литературе, отдельных положений теории фольклоризма в целом, углубляют представление об особенностях художественного текста, насыщенного фольклорной образностью, символикой, мотивикой. Положения диссертации расширяют представление о литературном процессе начала – середины XX века, о взаимодействии практик устного народного поэтического творчества и художественной литературы.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его аналитические суждения, текстологические наблюдения, промежуточные результаты и окончательные выводы могут быть использованы в ходе дальнейшего научного изучения русской литературы первой половины XX века, творческого наследия «последнего классика» русской литературы и могут быть привлечены к учебно-педагогическому процессу, использованы в вузовской и школьной практике, в ходе подготовки и осуществления историко-литературных курсов по русской литературе рубежа веков (как в России, так и в Китае).

Методологическую и теоретическую основу диссертационной работы составили базовые научные исследования по теории и истории литературы – М. Бахтина, Л. Выготского, В. Жирмунского, Ю. Манна, В. Марковича, А. Муратова, Б. Томашевского и др. В фундамент исследования положены труды по русской литературе первой половины XX в. и непосредственно по творчеству Ив. Бунина – О. Бердниковой, В. Гречнева, Т. Двинятиной, Л. Долгополова, В. Захаровой, Е. Капинос, И. Карпова, Л. Колобаевой, Р. Красильникова, Ли Сан Чул, Ц. Лю, Ю. Мальцева, Т. Марченко, О. Михайлова, С. Морозова, Т. Никоновой, Е. Пономарева, Н. Пращерук,

О. Сливацкой, Р. Спивак, М. Штерн и мн. др. Включение и критическое привлечение различных исследовательских суждений и подходов российских и зарубежных ученых обусловлены стремлением более полно осмыслить и учесть существующие научные мнения о бунинской прозе и многопланово и комплексно рассмотреть «фольклорные» тексты Ив. Бунина, опираясь на ранее проделанные научно-критические исследования и высказанные практико-теоретические суждения.

Основными методами, применяемыми в процессе научного исследования, в диссертации избраны биографический, историко-типологический, сравнительно-сопоставительный, интертекстуальный, поэтологический в их единстве и взаимодополняемости. Ориентированный на анализ литературного произведения в широком культурологическом аспекте комплексный подход позволяет обнаружить новые грани творческого мировидения Ив. Бунина, углубить интерпретацию его хрестоматийных текстов.

Положения, выносимые на защиту:

– анализ научно-критической литературы по рассказовому творчеству Ивана Бунина доказывает, что фольклор в «малой» прозе писателя (шире – в его творчестве) не составляет отдельный ракурс поэтики, но опосредует все пласты творческого миромоделирования художника, формирует основу его писательской (авторской) позиции;

– многообразие форм обращения Бунина к фольклору проявляется как на уровне формально-структурном (в том числе жанрово-композиционном), так и на идейно-тематическом (проблемно-смысловом), в своей совокупности опосредуя творческое мировоззрение писателя;

– историческое время, глобальные события российской истории оказали несомненное влияние на творческую судьбу Ив. Бунина, разделив его эволюционные этапы на доэмиграционный и эмиграционный, каждый из которых особым образом и в разной мере вбирал в себя апелляцию к русскому фольклору, порождая различные формы присутствия устной народно-поэтической традиции в текстах, создаваемых на родине и в эмиграции;

– текстуальный анализ доэмиграционных рассказов Бунина, в т.ч. «Птицы поднебесные» (1909), выявляет разновременные пласты текста, переработанные и доработанные писателем уже в эмиграции (1927), демонстрируя потребность художника в «доосмыслении» народно-национальной традиции (и, как следствие, народного мировосприятия) в послереволюционный период;

– текстуальный анализ рассказов периода эмиграции («Косцы», «Несрочная весна», «Руся», «Ворон») демонстрирует ранее скрытые от исследователей идейно-смысловые доминанты, когда тексты, с одной стороны, пронизаны насыщенной поэтической образностью русского фольклора, демонстрируя ностальгические чувства писателя, с другой – парадоксальным образом выявляют «несогласные» чувства Бунина в отношении покинутой (теперь советской) родины;

– в эмиграционный период не только «нужда» (со слов В. Н. Муромцевой-Буниной) заставляла писателя создавать пронизанные фольклором Прованса

«пересказы», но и истинная, сущностная зависимость мироощущения Бунина от традиций национального фольклора, отечественного или зарубежного, органично приведшего его к пересказу «сельских поэм» Фредерика Мистрала;

– текстуальный анализ «Провансальских пересказов» позволяет понять глубину и устойчивость апелляции Бунина к отечественному фольклору, со всей очевидностью оказавшему влияние на пересоздание «сказок» Ф. Мистрала и дополнивших тексты французского фольклориста русскими народно-поэтическими ментеобразами и ментесимволами;

– сопоставление фольклоризированных текстов Бунина доэмиграционного и эмиграционного периодов показательно демонстрирует органичность художника народно-национальным устоям мировосприятия: фольклор в творчестве Ив. Бунина – не локальный пласт, но фундамент творческого мировидения.

Апробация основных результатов исследования осуществлялась в виде 15 докладов на Международных и Всероссийских научно-практических конференциях. Основные положения и выводы исследования отражены в 23 научных публикациях, в том числе 9 из них – в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 150 наименований.

Основное содержание работы

Во **Введении** рассматривается сложившаяся в литературоведении традиция изучения творчества И. Бунина, характеризуется степень изученности исследуемой в диссертации научной проблемы, дается обзор научной литературы по теме, обосновываются актуальность темы, научная новизна, определяются цель, задачи, объект, предмет исследования, его методологическая и теоретическая основы, теоретическая и практическая значимость.

Первая глава «**Фольклор в оригинальных текстах Ивана Бунина**» включает в себя несколько параграфов, в каждом из которых представлен анализ рассказов, созданных на родине и в эмиграции, прослежены фольклорные составляющие бунинских текстов, рассмотрена их роль и художественные функции.

Раздел 1.1. «**Образно-фольклорная символика рассказа “Птицы небесные” (1909–1927)**» посвящен анализу рассказа, первоначально появившемуся под названием «Беден бес». В ходе анализа показано, что в системе фольклорных элементов, нашедших отражение в тексте Бунина, в центре оказалась прежде всего *птичья символика*, широко используемая русским народным поэтическим творчеством. Небесная птица (как правило, *голубь*), коррелирующая с религиозно-библейской образностью, заключала в себе положительные коннотации (образ богоугодного странника Луки), тогда как фольклорно-символическая образность птицы-ворона свидетельствовала о неоднозначности и сложности образа другого персонажа (молодого студента Воронова). Сопоставление с птицей-вороном актуализировало в тексте хищническую

агрессивность характера студента-медика и свидетельствовало об опасности («накаркал»), от него исходящей. Фольклорная колористика героев-птиц, сопутствующие образам странника и студента цвето-световые доминанты помогли автору избежать прямолинейной словесной оценочности, но на уровне подтекста акцентировать позитивное и негативное начала в образах парных персонажей. Свет одного (Лука, значение семантики имени *свет* и причастность богоугодному скитальчеству) Буниным символически противопоставлен тьме-темноте другого (студента Воронова), в стилистике фольклорного фразеологизма «цвета воронова крыла» и связанных с вороном мрачных фольклорных ассоциаций. В рассказе «Птицы небесные», вслед за художественными образцами русского фольклора, герои Бунина формируют отчетливую систему противопоставлений, контрастов и антитез, которые пронизывают все слои образно-сюжетного повествования – от четко выраженной антитетичности внешности героев, их социального портрета и статуса вплоть до состояния здоровья (бедный больной странник ↔ богатый здоровый молодой помещик) и «живого» или «каменного» лекарства (перец/селитра).

Мотив пути линейно организует повествование Бунина, оказываясь сродни путешествиям героев сказок и былин, отправившихся (подобно Луке) в дальние странствия. Образ-мотив пути становится близкой фольклору метафорой жизни, ее дальних дорог и сложных перепутий. Значительную роль в рассказе играет типичный фольклорный прием троичности и троекратности, которые проявляются как на сюжетном уровне (близость ситуативных обстоятельств), так и на уровне речевых повторов, маркирующих языковые зоны персонажей (особенности говорения Луки и студента-медика).

В главе показано, что текст рассказа «Птицы небесные» обильно насыщен фольклорной паремией, начиная буквально с заголовочного комплекса (оба названия рассказа суть осколки фразеологических оборотов) вплоть до народных фразеологизмов, которыми пронизана речь героев. Паремические конструкции позволяют писателю эксплицировать близость миропонимания простому народу одного персонажа (Луки) и удаленность от него другого (студента Воронова). Народность речи одного и «умственная выхолощенность» другого усиливают и дополняют систему идейно-образных противопоставлений.

В разделе 1.2. «*Двойственный код фольклорных компонентов рассказа “Косцы” (1921)*» предложен новый ракурс восприятия хрестоматийного бунинского текста. Отталкиваясь от заметок «Происхождение моих рассказов», где Бунин упоминает не только благостно-восторженные впечатления, получившие отражение в рассказе «Косцы», но и о мучительном настроении, тяготевшим над ним в период работы над текстом, рассмотрены парадоксы и противоречия рассказа, художественная сущность которых оставалась ранее без внимания критики. Показано, что образ России и ее народа представлены в рассказе «Косцы» дихотомичными, неоднозначными и противоречивыми.

На первый взгляд кажется, что косцы-рязанцы вызывают восхищение автора-рассказчика – и своей страстью к работе, и мощью-свободой, и глубиной души, изливающейся в песне. «И они были беззаботны, дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз, были “охочи к работе”, неосознанно радуясь ее красоте и спорости» (с. 69). Однако постепенно становится ясно, что однозначности в образе косцов нет. Так, обращает на себя внимание сравнение косцов со зверями или подмена лексемы крестьяне – батраками. Но самая важная характеристика, данная повествователем косцам, представлена через описание их ужина. Кажется, Бунин изображает обычную бытовую сценку, но наполняет ее выразительными акцентами. Косцы *приветливо* пригласили барина поужинать, сопроводив приглашение пожеланием *доброго здоровья*, а тот *вдруг с ужасом* увидел, что батраки ели ядовитые *мухоморы*. Если для рассказчика мухоморы ядовиты и *страшны своим дурманом*, то для косцов *они сладкие, чистая курятина*. Поедание *чего-то розового* косцами выглядит пугающе, особенно на фоне глагольного маркера *засмеялись*. Соседство образно-метафорических сравнений *косы как бритвы* и *играючи* нагнетает впечатление о разбойничьей и хамской сущности персонажей в *кумачовых* рубашках. В итоге заглавные герои предстают у Бунина не столько в образе русских богатырей, сколько сказочных ухарей-разбойников. Русский фольклор (постоянные эпитеты, устойчивые образы, отрицательные сравнения, развернутые метафоры) помогал писателю создать полноценный и узнаваемый образ (былой) родины России (в том числе через песенный мотив) и одновременно обозначал и констатировал его антиномичные (современные) составляющие.

Установлено, что намеренная трансформация привычных фольклорных образов (богатыри → разбойники) и мотивов (свой ↔ чужой, грибной мотив, песенный) позволяли Бунину четче и поэтичнее (хотя и не декларативно) обнаружить свое несогласие с идеалами новой послереволюционной России, с ее богатырями-разбойниками в красных кумачовых рубашках с острыми ножами и дубинами, *ласково* заманивающими (в том числе эмигрантов) в «темный лес». «Эмигрантский быт <...> политизирует литературный процесс»¹.

В разделе 1.3. «**Фольклорно-сказочный пласт рассказа “Несрочная весна” (1923)**» отмечается, что рассказ построен в эпистолярной стратегии, в виде письма персонажа к некоему «моему другу». «Биографическая» близость адресата и адресанта породила предположение критиков, что на каком-то этапе наррации образы корреспондентов сливаются. Между тем в ходе анализа доказано, что субъект-пишущий письмо и субъект-читающий письмо отчетливо разведены – и во времени, и в пространстве. Герой-отправитель – «советской подданный», герой-реципиент – русский эмигрант, оказавшийся за границей («у вас в Европе»). Различный хронотоп героев позволяет Бунину эксплицировать не-собственно-авторский, но *чужой* взгляд, осмыслить положение человека, который

¹ Пономарев Е. Р. Парадигмы эмигрантского быта. Круг общения семьи Буниных и повседневная культура эмиграции // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2026. Вып. 1. С. 56.

вынужденно остался в послереволюционной России. В главе высказывается предположение, что адресант-«советский подданный» в «Несрочной весне» – это аллюзия на Николая Пушешникова, племянника Бунина, и на одно из его редких «тайных» писем («Ты как-то мне тайком писал...»), достигших адресата во Франции.

Продемонстрировано, что эксплуатация принципов иллюзорно-сказочного миромоделирования позволила писателю реализовать прием семантической перекодировки, отказа от идейно-смысловой однозначности. Если у одного персонажа Бунина, у героя-адресанта, фольклорно-сказочные маркеры в его рассказе (*таинственный лес, лебединое озеро, волшебный дворец, стражники и спящие красавицы*) служат отражению его страстной потребности в спасительных сказочных грезах, уберегающих от страшной постреволюционной реальности, то у другого – у героя-реципиента и автора – коды сказки и сказочная поэтика – это способ выражения несогласной аксиологии, убежденности в несбыточности волшебных надежд и их бесплодности. Сказочно-фольклорный ритм и стиль повествования имеет «огромное значение не только для взаимосвязанных друг с другом процессов смыслопорождения и смысловосприятия текста, но и для его прагматического воздействия на читателя»¹. Смысловое несовпадение идейных акцентов обеспечивается неустойчивостью сказочной ирреальности и ее призрачной иллюзорностью.

В разделе сделан вывод, что, стилизуя письмо «доброе друга», Бунин обнаруживает (но не обнажает) полемический пафос. Прозаик опирается на стратегии фольклора, прекрасной, но нереальной фантастической сказки, тем самым подтекстово дешифруя авторское неверие в возможность ожидаемого героем-рассказчиком будущего воскресения России.

В разделе 1.4. «**Фольклорно-мифологическая образность рассказа “Руся” (1940)**» анализируется хрестоматийный рассказ Бунина. Мотив пути (дороги, поезда, движения) позволяет поделить хронотоп рассказа на две составляющие – тогда и теперь, былое и настоящее, сказка и реальность. Абрис «другого» пути – мира Руси – маркирован фольклорными образами, символами, мотивами. Образ «странной» героини обретает у Бунина *русалочью сущность*, органично связывая Русю (Марусю) и фольклорных русалок, сказочных болотных гадюк и лесных существ. Ее речь, «бормотание» или «хохот» сродни звуку голоса мифической русалки-соблазнительницы. Бунин подчеркивает родство Руси не только миру животному, но и растительному, потому поведение (в конечном счете *выбор*) героини не подпадает под законы светской жизни, логичной и разумной.

В ходе анализа показано, что в рассказе Бунина возникает не один, а два финала. В периферическом поле повествования на вопрос собеседницы-жены «...чем и как ваш роман кончился» повествователь отвечает: «Да ничем. Уехал, и делу конец». Но есть и другой ответ: «...я застрелился, а она закололась кинжалом...». В пространстве таинственной атмосферы вокруг загадочной Руси –

¹ *Ефремов В. А.* Ассоциативные аспекты ритма лирической прозы (на материале цикла И. А. Бунина «Темные аллеи») // Научный диалог. 2012. Вып. 8. С. 91.

вслед за Ромео и Джульеттой – релевантны оба исхода: в рамках атмосферы бытовой реальности (доминантной сферы героя) актуален финал с «ничем», с отъездом и концом «дела», для загадочной Руси – трагически жертвенный финал, с кровью и смертью (колористический окрас последних сцен рассказа).

В итоге констатировано, что апелляция к образно-поэтической и значимо-символической палитре русского фольклора, его волшебных сказок и древних преданий (в том числе о русалках и загадочных лесных обитателях) обеспечила богатство и яркость художественного своеобразия одного из наиболее выразительных текстов Бунина. Фольклорная образность (сказочные журавли, ужи, лягушки, лес, озеро, болото и др.), разветвленная мотивика (любовь, предательство, борьба, жертвенность, смерть), традиционная символика (круг, вода, небо, безграничность), характерные для устных поэтических сказаний-преданий, обеспечили глубину художественного пространства бунинского рассказа «Руся».

В разделе 1.5. **«Фольклорная основа “птичьей” символики в рассказе “Ворон” (1944)»** рассмотрена ситуация любовных отношений, «любовного треугольника». Образно-символическая система рассказа, подчеркнута фольклоризированная в своей основе, позволяет акцентировать психологические нюансы персонажных отношений. Привлечение «птичьей» фольклорной, то есть прецедентно-традиционной символики позволяет писателю расставить значимые акценты, маркировать искомую аксиологию онтологических составляющих рассказа (отношения молодых возлюбленных, отца и сына, мужа и жены). Именно фольклорная образность и ее символизированная насыщенность (в том числе колористическая) дают автору возможность ярче и выразительнее на *внешнем* уровне отразить *внутренние* слагаемые характеров героев. Сравнение центрального персонажа с вороном заставляет актуализировать давно известные читателю по сказкам, легендам, преданиям характерологические черты грозной птицы и перенести их на образ героя-отца, позволяя прозаику отказаться от подробного и детального портретирования персонажа. Коннотации фольклорного образа ворона переносятся на образ человека, априори наделенного качествами сильной, властной, угрожающей сущности.

В том же фольклоризированном ключе создан и образ героини Елены Прекрасной. Белый цвет юности и чистоты, сопровождающий ее на начальном этапе повествования, сменяется символикой красного и черного, привнося в ее образ ноты тревоги, грозящей ей опасности, возможной смерти, крови, жертвенности. Характерная для русского фольклора символика драгоценных камней дополняет образ молодой героини, поддерживая мотивы ее «обманного» сна, чрезмерной доверчивости и добросердечия.

Глава вторая **«Фольклор в переводных текстах Ивана Бунина “Провансальские пересказы” (1930–1931)»** обращена к новому материалу и связана с исследованием бунинских «пересказов» из сборника Ф. Мистралья

«Истоки моей жизни» (1906)¹, включающего воспоминания французского фольклориста и записанные им провансальские народные легенды и предания.

В разделе 2.1. «*Особенности переводного рассказа “Звезды” (1930)*» рассматривается первый из рассказов провансальского цикла Бунина. Продемонстрировано, что мистралевский исходный текст, его отдельные эпизоды, сцены, картины пробуждали в Бунине-эмигранте былые чувства, порождали далекие воспоминания и заставляли его переосмыслять «чужой» текст как собственный, не столько заниматься переводом, сколько *творить* вместе с Ф. Мистралем. Фольклор Прованса тревожил Бунина не меньше русского фольклора, прозаик-переводчик обнаруживал близость фольклорных сюжетов, наблюдал сходство фольклорно-сказочной образности, развивал мотивы и коллизии, знакомые ему по русским народным сказкам и преданиям.

Панорама звездного провансальского неба, по которому путешествуют герои Бунина, становится отражением символических смыслов человеческой жизни, людских судеб и деяний. Каждая новая звезда или созвездие, указанные пастухом Жаном, привносят в текст новые смыслы и истории, придают оттенки воспоминаниям и размышлениям героев. Для героя Бунина в вечном «подлунном мире» это те же звезды, созвездия, плеяды, на которые в прежние годы взирал лирический герой бунинской поэзии, с которыми беседовал мечтательный герой-поэт на родине («Ту звезду, что качалась в темной воде...» (1891), «Ночь» (1901), «Мороз» (1903), «Лунная ночь» (1912) и др.).

Раздел 2.2. «*Фольклоризированный характер сказки “Мэтр всех мэтров” (1930)*» посвящен следующему переводу Буниным Ф. Мистрала. Как продемонстрировано в ходе анализа, в бунинском «пересказе» истории о святом Элуа доминируют не элементы библейской истории (как у Ф. Мистрала), а элементы фольклора, близкие и понятные Бунину-читателю и Бунину-писателю. Глубокое знание Буниным русского фольклора позволяет ему, с одной стороны, упростить мистралевский рассказ, приблизить его к собственно фольклорной – традиционной – простоте и ясности, с другой – обогатить «чужой» рассказ принципами обобщенного народного национального мировидения, причем не столько провансальского, сколько русского, близкого и дорогого художнику-переводчику. Религиозное сказание о провансальском святом Элуа Бунин трансформирует в фольклорную сказку, французские реалии жизни святого праведника заменяет этапами нравственного взросления простого работника-кузнеца, образ религиозный превращает в фольклорный. Религиозные акценты сменяются психологическими, морально-нравственными, этическими, характерными для русского фольклора и особенно для русских народных сказок. Показано, что обращение к французскому фольклору, к фольклорным записям Ф. Мистрала давало возможность русскому эмигранту Ивану Бунину пережить новую

¹ *Mistral F. Mes Origines. Mémoires et récits. Paris: Plon, 1906. 309 p.* В современных исследованиях название переводится как «Мои истоки». См.: Наброски / подг. текста, послесловие и примеч. Е. Р. Пономарева // И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Лит. наследство. Т. 110. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 243, 247, 260, 261.

близость с родным фольклором, одарить своих русских читателей-эмигрантов встречей с оставленной ими родиной Россией.

Обращает на себя внимание трансформация названия рассказа. Вместо нейтральной «Легенды о Святом Элоэ» в заголовке оказывается иронизированное «Мэтр всех мэтров», превосходная степень которого указывает на изначальное авторское (переводческое) снижение. Если Ф. Мистраль и его информатор-сказитель рассказывают волшебную мистерию становления характера и высокой миссии святого Элоэ, то Бунин обытовляет историю и превращает ее в сюжет о наказании гордыни умелого мастера-ремесленника. Бунин использует стратегию *типизации* – рассказ утрачивает признаки религиозной истории, но приближается к жанру народной сатирической сказки, близкой русской ментальности. Предпринятый Буниным «идейный» поворот в сторону фольклоризации делает пересозданный рассказ более символичным и одновременно тесно соприкасающимся с действительностью, с жизнью каждого (= любого) человека.

В разделе 2.3. «*Русификация провансальского фольклора в рассказе “Тараскон” (1931)*» показано, как Бунин воспринимает национальные особенности других народов, в частности тарасконцев. Как и в «Звездах», Бунин меняет имя героя (сложное для русского слуха Джарджайе на простое Жозеф) и называет свой рассказ «Тараскон». Новое название меняет ракурс повествования, актуализирует *тарасканское* происхождение Жозефа и тем самым на передний план выдвигает национальную особость характера героя. Как и в «Мэтре всех мэтров», Бунин уходит от религиозной составляющей мистралевого образа, но сдвигает рассказовую действительность в область фольклора. Русский писатель подчеркивает собственно народные константы, своеобразие поведения некоего тарасконца Жозефа (даже) в раю. Герой-грешник Ф. Мистраля, должный пройти религиозное очищение, превращается у Бунина в тип умного, предприимчивого и лукавого фольклоризированного трикстера, способного обмануть райского стража апостола Петра. Озорной и лукавый герой выписан Буниным в духе русской народной сатирической сказки, в стилистике сказочных состязаний в остроте ума и хитрости между мужиком и чертом или между батраком и хозяином. Как русский герой Иван-дурак побеждает в соперничестве с нечистой силой или жадным хозяином, так и провансальский ловкач Жозеф хитроумно обманывает святого Петра, не желая покидать «райскую обитель». Вместо образа богобоязненного героя провансальских записей Ф. Мистраля Бунин выписывает знакомый русскому читателю фольклорный тип ловкого обманщика и балагура.

В разделе 2.4. «*Синкретизм фольклорных стратегий в рассказе “Юный пилигрим” (1931)*» показано, что, как и в других пересказах мистралева легенд, сказок, миниатюр, Бунин, с одной стороны, следует за французским первоисточником, за фольклорными историями Ф. Мистраля, с другой стороны, умело и решительно изменяет колорит сюжетной прашаины. В целом сохраняя сюжет мистралевого рассказа о пилигриме, Бунин дополняет его, во-первых, узнаваемым антуражем фольклорных сказок Европы и России об отце, отцовском завете и трех сыновьях, во-вторых, значимыми аллюзиями

к знакомым произведениям мирового живописного искусства (изобразительный ряд истории о «возвращении блудного сына», например, в исполнении Х.-Р. Рембрандта), в-третьих, отчетливо проступающими параллелями к библейскому сюжету об истории Христа, пожертвовавшего собственной жизнью ради спасения человечества («христианизация» образа младшего сына, «воссиявшего» ради спасения матери). В итоге даже в самом французском по материалу рассказе, весьма далеком от отечественной действительности, Бунин продолжает ориентироваться именно на российскую традицию и на особенности национальной ментальности, на русскую и мировую культуру. В целом интертекстуально пересозданный Буниным мистралевский рассказ напоминает бытовую фольклорную сказку.

В разделе 2.5. «*Фольклорная символика в рассказе “Волхвы” (1931)*» рассматривается еще один из пересозданных Буниным текстов. Зачин рассказа Бунин окрашивает библейской цитатой из Евангелия от Матфея: «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском, во дни царя Ирода пришли в Иерусалим Волхвы с Востока и говорят: где родившийся царь Иудейский? Ибо мы видели звезду его на Востоке и пришли поклониться ему...» (Мтф. 2: 1–2). Следом появляется еще одна бунинская вставка, более прозаическая, но сюжетно необходимая – пояснение от «переводчика» тех обстоятельств, которые и составляют сердцевину рассказа. И наконец после этих «дополнений» в бунинском «пересказе» появляется собственно мистралевская основа, сюжет, повествующий о волнении героев-детей накануне Рождества, об их желании добежать до того поворота дороги, где они непременно встретят сказочных волхвов.

Если в повествовании Ф. Мистраля действие движется событиями извилистой памяти героя-повествователя (автора), то Бунин избирает иную стратегию. Он *выпрямляет* внутреннюю фабульную линию и придает изображаемым событиям сказочную поэтичность. Между тем, начав «рождественскую мистерию» с библейской цитаты, Бунин композиционно и завершает повествование введением в финал текста «величавого рождественского гимна»: «Нынче, в утренний час, / Встретил я на большой дороге / Караван трех великих Волхвов...» (с. 435). История подлинных воспоминаний Ф. Мистраля утрачивает часть бытовых провансальских реалий, памятных французскому писателю, но взамен перевод-пересказ Бунина обретает богатое поэтическое наполнение.

Отмечено, что воспоминания Ф. Мистраля о его детстве в Провансе, родственные бунинским воспоминаниям о чудесных рождественских вечерах в его родном поместье на Орловщине, пробуждают в памяти и воображении писателя-эмигранта сказочно-мистические образы, порождают в его тексте отсветы впечатлений собственного далекого детства и получают в рассказе о рождественском вертепе намеренную фольклористическую русифицированную окраску.

Раздел 2.6. «*Образность русского фольклора в рассказе “Святочный вечер” (1931)*» связан с анализом последнего, шестого текста «Провансальских пересказов». В композиционном плане весь бунинский рассказ – это пять мини-

историй, следующих одна за другой. Образ нарратора (автора или рассказчика) редуцирован. Собственно сюжетной канвы, кроме как смены святочных историй, нет. Композиция разряжена, персонажи-рассказчики анонимны. Единственным словесным маркером, способным дифференцировать одного и/или другого рассказчика, становится не субъект говорения, а объект самой истории – Белая Курица, Черная Свинья, Черная Кобыла, Черные Кошки, домовые. Амплифицированное однообразие названия «героев» (*Черная Свинья, Черная Кобыла, Черные Кошки*) становится доказательством «зависимости» бунинского текста от претекста Ф. Мистралья. Можно предположить, что, если бы Бунин выдумывал собственных персонажей, его характерологические эпитеты оказались бы более разнообразными и «говорящими». В данном случае и мистическое наполнение бунинских зоообразов оказывается иным, чем в русском фольклоре, но обращая структура наррации стилизована под узнаваемые русские былички. В целом характер повествования в рассказе таков, что бунинский «святочный» вечер как будто не имеет начала и конца, – он длящийся, непрерывный, охватывающий, как и в старину на родной писателю Орловщине, «несколько» дней.

На основе проведенного анализа в главе предлагается вывод о том, что русский фольклор, кажется, открыто не присутствующий в тексте переводных рассказов Бунина, на самом деле помогает писателю в «свободном» переводе французского (провансальского) фольклора и способствует созданию не собственно перевода, даже не «пересказа», как определил сам прозаик, а пересозданного и перевоплощенного *нового* текста, близкого сердцу писателя-эмигранта и его слушателей-читателей фольклоризированной атмосферой, ее «русским духом».

В *Заключении* подводятся итоги проделанного в диссертации анализа и намечаются перспективы дальнейших исследований. Отмечается, что в ходе подробного текстуального анализа рассказов Ив. Бунина установлено, что русский фольклор, его образность и мотивика составляют наиболее важные слагаемые бунинских текстов, опосредующие вопросы субъектно-объектной организации повествования, способы воплощения пространственно-временных координат художественного текста, проблемы поэтической реальности и сказочно-мифологического вымысла.

По мнению автора диссертации, проведение дальнейшего научного анализа фольклорных слагаемых в творчестве Бунина позволит более глубоко осознать своеобразие таланта русского художника и самобытности его творчества – как на уровне формально-структурном, так и идейно-тематическом.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

***Статьи в изданиях,
включенных в перечень рецензируемых научных журналов***

1. Лю М. Антипасхальный рассказ И. Бунина «Косцы» (структура, система образов, «русская идея») / О. Богданова, М. Лю // Научный диалог. – 2022. – № 3. – Т. 11. – № 7. – С. 266–283.
2. Лю М. Русалочий мир «Руси» (сказочно-мифологические мотивы и образы рассказа И. Бунина) / О. Богданова, М. Лю // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – № 11. – С. 3392–3400.
3. Лю М. Синтетическая матрица переводного рассказа И. Бунина «Юный пилигрим» / О. Богданова, М. Лю // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – № 12. – С. 3714–3720.
4. Лю М. Ностальгический подтекст рассказа Ивана Бунина «Святочный вечер» / О. Богданова, М. Лю // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – Вып. 1. – С. 17–23.
5. Лю М. Переводные практики Ивана Бунина (рассказ «Волхвы») / О. Богданова, М. Лю // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – Вып. 3. – С. 670–674.
6. Лю М. Как сделаны «Антоновские яблоки» И. Бунина Композиционные геометрии / М. Лю // Вестник ЧГУ. – 2023. – № 3 (114). – С. 68–81.
7. Лю М. Фольклорная и религиозная символика рассказа И. Бунина «Птицы небесные» / М. Лю // Верхневолжский филологический вестник. – 2023. – № 1 (32). – С. 8–19.
8. Лю М. Пасхальный рассказ И. Бунина «Несрочная весна» (образ героя, прототип, сказочный дискурс) / О. Богданова, М. Лю // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2023. – № 4. – С. 131–140.
9. Лю М. Фольклорная символика рассказа И. Бунина «Ворон» / М. Лю // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 177–183.

Другие научные публикации

10. Лю М. «Крымский текст» И. А. Бунина (рассказ «Алупка», чеховский подтекст) / О. Богданова, М. Лю // Русская классика: сб. / сост. Е. Егорова, А. Святославский. – Вып. 3. – М.: МПГУ, 2022. – С. 67–77.
11. Лю М. Фольклорные мотивы в произведениях И.А. Бунина / М. Лю // Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Владивосток, 28 апр. 2022 г.: сб. / под общ. ред. А. Киреева. – Владивосток: ДВФУ, 2022. – С. 51.
12. Лю М. Опорные фольклорные образы и мотивы в рассказе «Косцы» и повести «Митина любовь» И. Бунина / М. Лю // XXII Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения в Санкт-Петербурге 25–28 мая 2022 г.: сб. / отв. ред. Д. К. Богатырев. – СПб.: РХГА, 2022. – С. 232–235.
13. Лю М. Фольклорные мотивы рассказа И. Бунина «Руся» / М. Лю // Acta eruditorum. – 2022. – № 41. – С. 30–34.

14. Лю М. Примеры реинтерпретации русской классики (рассказы И. Бунина в школе) / О. Богданова, М. Лю // Литература в контексте современности: сб. XIV Всероссийской НМК с международным участием. Челябинск, 9 дек. 2022 г. / отв. ед. Т. Маркова. – Челябинск: Биб-ка А. Миллера, 2022. – С. 3–8.

15. Лю М. Наследие русской классики: рассказ И. Бунина «Косцы» и его новая интерпретация / О. Богданова, М. Лю // Филологические чтения: Человек. Текст. Дискурс: сб. мат-лов конф. Ярославль, 23–24 сент. 2022 г. / сост. Е. Федорова. – Ярославль: Филигрань, 2022. – С. 364–373.

16. Лю М. Рассказ И. Бунина «Руся»: субъект и природа, культурная модель / О. Богданова, М. Лю // Среда. Культура. Текст. Сб. мат-лов I Всерос. научно- практич. междисциплинарной конф. «Среда. Культура. Текст», 11–12 нояб. 2022 г. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. – С. 24–40.

17. Лю М. «Провансальские пересказы» Ивана Бунина / О. Богданова, М. Лю // Русский фольклор Мордовии в контексте мировой культуры: сб. мат-лов VII Всерос. научно-пед. чтений с междунар. участием, 2–3 марта 2023 г. / отв. ред. О. Осьмухина. – Саранск: МГУ, 2023. – С. 113–117.

18. Лю М. Фольклор в художественном произведении (рассказы И. Бунина) / М. Лю // Русский фольклор Мордовии в контексте мировой культуры: сб. мат-лов VII Всерос. научно-пед. чтения с междунар. участием, 2–3 марта 2023 г. / отв. ред. О. Ю. Осьмухина. – Саранск: МГУ, 2023. – С. 181–185.

19. Лю М. Образная система рассказа Ивана Бунина «Птицы небесные» / О. Богданова, М. Лю // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс. Борисоглебск, 6–7 апр. 2023 г. – Борисоглебск: ВГУ, 2023. – С. 417–425.

20. Лю М. «Пересказ» Ивана Бунина «Святочный вечер» (особенности перевода) // Acta eruditorum. – 2023. – Вып. 43. – С. 47–52.

21. Лю М. Образ студента Воронова в рассказе И. Бунина «Птицы небесные» / О. Богданова, М. Лю // Русская филология. Ученые записки СмолГУ. Вып. 23 / отв. ред. М. Рогацкина. – Смоленск: Свиток, 2023. – С. 67–76.

22. Лю М. Переводные практики И. Бунина (рассказ «Юный пилигрим») / О. Богданова, М. Лю // Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности: мат-лы IX МНК (19–21 окт. 2023 г.) / отв. ред. В. Захарова, Е. Дзюба. – Н. Новгород: Мининский ун-т, 2023. – С. 191–194.

Отзывы на автореферат в двух экземплярах с указанием фамилии, имени, отчества, почтового адреса, адреса электронной почты, наименования организации, должности лица, составившего отзыв, подписанные и заверенные печатью, просим направлять по адресу: 164500, Архангельская область, г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6, филиал САФУ им. М.В. Ломоносова в г. Северодвинске (диссертационный совет).